

Жаңарған қоғам • Жаңа талғам

АСТАНА

5
2013

АСТАНА
плюс

Текст: Айгуль КЕМЕЛБАЕВА,
 прозаик, литературовед, кинодраматург, лауреат
 Государственной молодежной премии РК «Дарын»

О книге Расула Гамзатова МОЙ ДАГЕСТАН

На закате жизни прозу начали писать поэты А. Пушкин и Абай Кунанбаев. У Пушкина получилась малая форма художественной прозы, у Абая – духовное завещание своему народу «Книга слов». До него поэтическая казахская словесность не знала подобной формы выражения, в которой философски переплетены быт, нравы народа, религиозные взгляды, исповедь и назидания. «Мой Дагестан» Расула Гамзатова (в переводе на русский язык Владимира Солоухина) – не исключение, он тоже из этой серии.

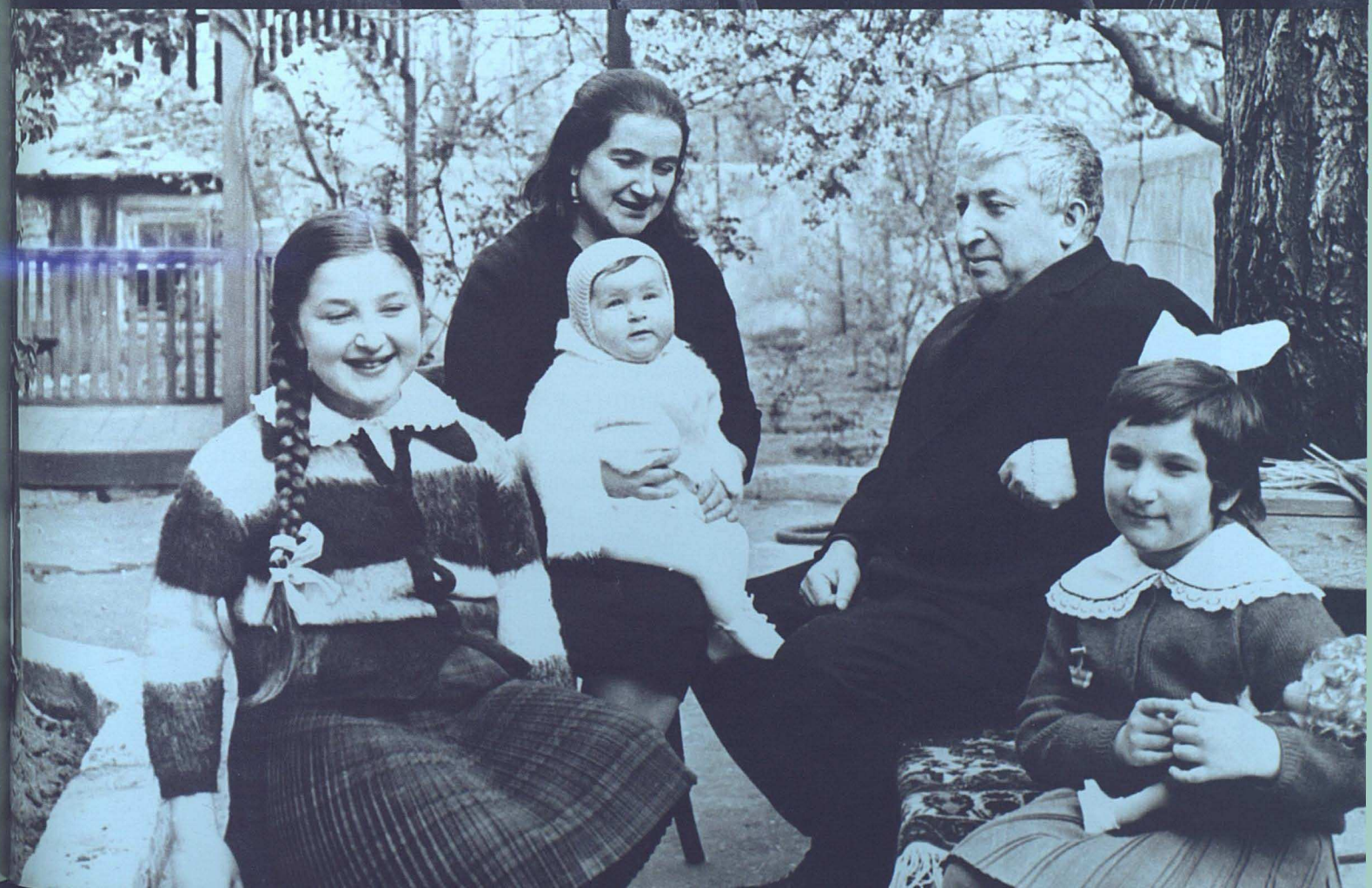

Поэт пишет прозу

Идея писать прозу не его. Вероятнее всего, что он как поэт мыслит больше стихами. Поэтому предисловие книги практически затянато, иногда сокровенные мысли похожи на заклинания и молитву. Пространство его искусства – весь Кавказ, родной Дагестан. Он любовно воссоздает все родное, близкое сердцу. Поэт не может сразу стать прозаиком, это ему почти не под силу. «Сколько раз всматривался я из своего поэтического поднебесья вниз, на равнину прозы, отыскивая, где бы сесть отдохнуть...». Чувствуется орлиный взлет.

Книга писалась в его родном ауле. Для этого пришлось взять отпуск, ведь поэту предстояло решать задачу не из легких. Прежде чем сесть за ее написание, Р. Гамзатов вспомнил письмо своего отца, в котором писал, что не променял бы все столицы мира на свой маленький аул Цада.

Зрелый поэт очень выразительно ассоциирует собственное вдохновение. Расул Гамзатов раскрывает перед читателем духовное наследие Дагестана. «Иногда мне кажется, что я охотник, рыбак, всадник. Я охочусь за замыслами, ловлю их, седлаю и прищипываю. А иногда мне кажется, что я олень, лосось, конь. И напротив, замыслы, раздумья, чувства ищут, ловят меня, седлают и управляют мной».

Едва ли не вселенский охват здесь: и небо, и земля, и всякая тварь божья в нем. Пантеизм цветущий. Олень, у которого вырос вишневый сад в голове, после того как барон Мюнхгаузен выстрелил в рогатого зверя, из-за отсутствия пороха, вишневой косточкой, и это тоже олицетворение буйных творческих фантазий.

В 2000 году я писала эссе «Сад творчества», где философски истолковала сей необычный вишневый сад, выросший в голове оленя. Это – аллегория, гротеск, метафора, инсказательность в целом. Значит, творчество по сути, это – сад, а поэт-писатель – садовник.

Дальше поэт опять подсознательно воспроизводит сокровенную мысль: «Говорят: случайно бросили косточку, случайно она упала на оленью голову, и вот выросли прекрасные олени рога». Образ великого сказочника, барона Мюнхгаузена, возник не случайно. Оба они имели в виду изобилующий плодами сад искусства!

Позже этот замысел в причудливых образах использовал Милорад Павич.

Ореол вдохновения

«Горы мои поблескивают вдали таинственно, как нешлифованные алмазы». В этих видениях нет тесноты и убогости.

Новорожденному имя Расул дал старец с белоснежной головой, по виду похожий на пророка; подобно святому, благословил он младенца. На востоке это всегда считалось знаком свыше.

Дагестан описан Гамзатовым как путеводитель для читателя: «Мы собраны в каменную горсть дагестанских гор. Миллион человек и сорок разных языков». Расул является великим поэтом всего Дагестана, кумиром, народной гордостью, и его имя почитают все сорок народов, считая его своим поэтом.

Зулпа (Зинаида) Супьяновна Чумакова, казахстанский поэт чеченского происхождения, с искренним почтением высказалась как-то в нашем с ней разговоре о Расуле-ага: «Вся мудрость идет от отца. Весь Кавказ знает и любит его отца, народного поэта Гамзата Цадасы. Он похож мудростью на Омара Хайяма. Сокровенные корни. Это как у Абая, степной султан Кунанбай, мощный и влиятельный отец, имущий власть. Сыновьям таких отцов непросто приходится добиться славы у народа. Есть Танзила Жумакулова, аварская поэтесса. У нее очень много переключается с Гамзатовым. Раиса Ахматова, чеченская поэтесса, духовно тоже была близка к нему».

Зинаида Чумакова по телефону читала стихотворения Расула Гамзатова. Я находилась в Астане, она – в Жезказгане. Истинная поэзия порой звучит между городами, как галактики, ибо ее голос мил космосу.

«Но цветы Дагестана, но образы горцев живы в стихах отца», – восхищался Расул Гамзатов отцом, которого боготворил. Он научил его отстраняться от лжи: «Побил же я тебя, мой сын, за твою ложь. Ложь – это не ошибка, не случайность, это черта характера, которая может укорениться. Это страшный сорняк на поле твоей души. Если его вовремя не вырвать с корнем, он заполонит все поле так, что нигде будет прорасти доброму семени. На свете нет ничего страшнее лжи. Ее нельзя прогнать и побить. Если ты мне солжешь еще раз, я тебя убью».

Меткое разоблачение природы лжи. Классический пример драмы в отношениях отцов и детей. Каков отец, таков и сын. Естественно, после такого достойного нравов учения отцу не приходится стыдиться за своего сына! «Он не любил свирепости волка и слабости зайца. Деспотизма власти и рабского подчинения», – так писал он про своего отца.

Оба поэты. Оба сильные. Подобные примеры на востоке не редкость. У туркменского классика Махтумкули Фраги отец Довлетмамед Азады был большим поэтом, мудрецом, мыслителем, известным за пределами страны. Верно и то, что на востоке величие рода, родовитость всегда оказывались в почете, так как слово – божественно. И всегда народ понимал великую роль творческой личности. У Абая сыновья и племянники – Акылбай, Магауия и Шакарим – родились с поэтическим даром. Кстати, это Акылбай по совету отца написал романтическую поэму «Дагестан». Абай, сын степного аристократа Кунанбая, отец его приютил не одного политического беглеца с Кавказа.

Однажды в Брюсселе, во время встречи поэтов мира, один из ее участников гордо, как ему показалось, заявил, что он «представитель всех наций, всех стран, представитель поэзии». «Так не бывает. Каждый поэт –

сын своего народа», – так пишет Расул Гамзатов, который не принял напыщенно-пустых слов. «Я аварский поэт. В сердце я чувствую гражданскую ответственность не только за Аваристан, за Дагестан, не только за страну, но и за всю планету. Двадцатый век. Нельзя жить иначе». «Мой маленький Дагестан и мой мир – огромный мир. Два ручья, которые сливаются в один поток, достигнув долины».

Великую роль всемирной литературы, ее слияние в настоящий поток еще Гете предвидел и предсказал.

В книге Р. Гамзатова, как мы уже сказали, предисловие растянуто. Тоже восточная черта, эпическое восприятие мира. Нам, казахам, это вполне знакомо. Жырау, степные сказители, часто пели днями и ночами эпическую поэму. Например, описание бега Тайбурыла, коня Кобыланды батыра, блещет эпической мощью. И аварский поэт свой замысел тоже объясняет витиевато, с эдакими передышками – вставными рассказами, притчами. И таким образом разъясняет название «Мой Дагестан». Чересчур идейных людей он высмеивает довольно метко и с убийственным сарказмом. Они покривили душой, продали душу.

Вопросы литературы

«Мой Дагестан» – это книга размышлений, мыслей вслух, с «летучими» фрагментами. Мысли автора вращаются в извечном круговороте жизни. Стиль местами напоминает Панчатантру. Там тоже, как вкрапления, вводятся поучительные рассказы, нескончаемые, как сказки Шахерезады. И таким образом, кажутся своего рода учебниками по истории поэзии родных гор.

В своей книге Расул Гамзатов называет и неустанно прославляет имена поэтов родного Дагестана – печального певца любви Махмуда, Батырая, своего отца Гамзата Цадасы. («Аварскому пандуру полагаются всего лишь две струны. Про моего отца говорили, что на пандур аварской литературы он натянул третью струну»). А среди них – особенно

любимого, старого друга отца Абуталипа Гафурова.

И Абай оставил в своих стихах для истории имена славных поэтов Дулата, Шортанбая и Бухара-жырау.

Р. Гамзатов постоянно с глубоким уважением возвращается к личности поэта Абуталипа, беседует с ним, и его рассуждения о жизни кажутся ему мудрыми. Действительно, Абуталип – человек широких взглядов, не раб партийных предрассудков советского времени, напротив, почти инакомыслящий, внутренне духовно свободный поэт.

В книгу вставлены некоторые стихотворения самого автора. Самые патриотические и идейно-важные. Так благоухает сад прозы с лепестками и цветами поэзии. Стихотворение Р. Гамзатова «Родной язык» по стилю напоминает «Пророка» А.С.Пушкина, но по духу отражает величие истинного сына своей земли.

И если завтра мой язык исчезнет,

То я готов сегодня умереть.

(Перевод Н. Гребнева).

Чтоб у плиты могильной близ аула

Аварцы вспоминали иногда,

Аварским словом земляка Расула –

Преемника Гамзата из Цада.

Мировоззрение поэта познается в детальном сравнении: он всегда находит любому явлению антитезу. Благодаря последней, вещи раскрывают сущность. Ибо закон природы: не будет добра, если не станет зла. Как у Шекспира: «Добро есть зло / Зло есть добро». Невежество и мудрость дополняют друг друга, как день и ночь, поют иногда в унисон. Дж. Руми писал о пользе невежества.

Гамзатов поднимает извечные темы. Каждая его строка дышит литературой. Подсознательно несет литературный подтекст. «Тема моя, но она открыта и для всех других. Я слышал как один писатель клял другого за то, что тот «украл» его тему. Он говорил: «Кто дал тебе право писать об Ирчи

Казаке? Ты же знаешь, что это моя тема, что об Ирчи Казаке пишу я. Это воровство!». И этот писатель заволновался так, словно только что похитили его возлюбленную». Правда в том, что до сих пор везде и всюду подобные споры не утихают. Заимствование, плагиат постоянно ходят рядом с литературой.

Ирчи Казак – поэт прошлого века, зачинатель кумыкской литературы, а кумыкский язык схож с казахским. Жыршы Казак.

С восхищением и одновременно горечью произносит Расул Гамзатов имя имама Шамиля. И наш Кенесары султан, внук Абылайхана, воспет в стихах и поэмах за то, что поднял народно-освободительное восстание против царя.

Но не все просто у поэта. В 1951 году он, подавшись тогдашней идеологии, написал стихи, очернившие Шамиля, а спустя через 10 лет – восхвалявшие его. «Над теми и над другими стоит имя: Расул Гамзатов. Теперь мы хотим узнать – один и тот же это Расул или два разных. И какому Расулу верить?». Вот где камень преткновения! Сарказм по отношению к самому себе – это уже самобичевание, самосуд. По сути, это явилось болью и трагедией целого народа, потерявшего независимость. И имя Кенесары Касымова также было под запретом.

Поэт постоянно вспоминает своего отца, ищет защиту в его мудрости: «Отец наказывал: если совершишь не достойный, позорный поступок, сколько бы потом ни молился, сделанного не воротишь». Предок оказался прозорливым человеком. «Мой отец говорил: «Не трогай Шамиля. Иначе до самой смерти не будет тебе покоя». Поэт искренне раскаивается, так как никакая империя не признает свободолобивый дух малочисленных народов. Она всегда требует рабского подчинения. Но на костях нельзя построить и удержать крепкую империю, и история знает массу примеров того, что она все равно рухнет.

Со старым поэтом Абуталипом Гафуровым он ведет душевные беседы. Расул любит и уважает старика. И эта привязанность взаимна. Молодой Расул будучи литературным консультантом, помог поэту решить квартирный вопрос. Абуталип жил в подвале, как некогда в лачуге Хожа Хафиз. Он бы и оставался там навсегда, да семья не смирилась с такой бедностью. Но старец признавался: в подвале ему писалось лучше.

Расул Гамзатов создает образ Абуталипа незабываемым, искренним, показывая его классическим типом поэта. Беспечного, влюбленного в красоту, чистого сердцем, а в душе вечного суфия. Ибо он доволен своей жизнью, поэзией, и честь его ничем не омрачена. Он беден, но ему не грозит духовная нищета. Духовно он очень богат. Его харизма магически действует на женщин.

Абуталип был несколько раз женат. Он говорил, что легковверные женщины идут на приманку, обманываются, думают, что если он знаменит, то в его дворце сундуки добра и мешки денег. И вот они выходят замуж: «А потом живут с бедным Абуталипом. Это им не нравится, и они покидают меня». Человека с юмором, лацка по национальности, и под семьдесят лет женщины любили.

Когда граф Толстой говорит, что нельзя выдумывать человеческую психологию, это звучит пророчески. Да, женский род нельзя изменить, он всегда охоч до настоящих мужчин.

Расул Гамзатов ребячится как истинно творческий человек. Запомнился его рассказ про бочонок вина, который он привез в Москву из родных мест, чтобы угостить друзей. По сути, такие праздники всегда были «в почете» в Литературном институте имени М. Горького, который мне довелось окончить, так что об этом знаю не понаслышке.

«Бочонок же, как известно, имеет дно. Иногда мы, грешным делом, покупали в буфете обыкновенные бутылочные вина, выливали его в бочонок и заявляли, что оно настоящее, крестьянское, из собственных погребов. Знаетков, которые могли бы нас разоблачить, не находилось».

Как у Омара Хайяма, ведь поэты пьют не из-за стомаха ради:

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!

Пусть без усталы хлещет из горлышка кровь.

(Перевод Германа Плисецкого)

Несмотря на то, что прочитала эти страницы в книге во время уразы, мусульманского поста, и хотя я не из пьющих людей и в религии не исповедую ханжескую мораль, ничто человеческое мне не чуждо. Культ вина воспевался лучшими поэтами мира. Суфии видели в вине эзотерический смысл.

Признаюсь, в тот момент мне сильно захотелось отведать глоточек из этого поэтического бочонка вина и слушать стихи Расула-ага. Как у Пушкина: «Я там был, мед, пиво пил».

Чтение классики порождает немало грез. Иногда хочется к лукоморью, хотя никто в мире не мог бы толком объяснить, где оно. Вот сила и владычество поэзии!

Расул Гамзатов, даже в таких житейских деталях воссоздает целостный образ внутреннего мира личности, одухотворенного и одаренного, опьяненного творчеством поэта.

Мировоззрение Расула Гамзатова перекликается с Абаям. «С песней прошло мое детство, с песней я прошел через юность, с песней возмужал, с песней же поседел», – пишет он. У Абая:

Туғанда дүние есігін ашады өлең,

Өлеңмен жер қойнына кірер деңен.

Смысл сказанного в том, что от рождения до самой смерти человека сопровождает песня. Много родного, казахского по духу нашла я в чудесной книге Расула Гамзатова!

Литературный перевод – это золотой мост между народами. Литературоведение освящает произведение, точнее, это творчество о творчестве. Сегодня всем нам остро не хватает хороших переводов. До сих пор остается для иноязычного читателя недоступным наш Абай. Как он сам писал: «Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла». – «Я некто с загадкой, – не в этом ли, друг мой, вопрос?» (Перевод Аuezхана Кодара). Для иных он всего лишь «Окупай Абай», видите, как они, невежды, глумливо шумят.

Расул Гамзатов очень честно и верно высказывается про тонкое искусство перевода. Он даже не скрывал, что среди

недоброжелателей были такие, кто заявлял, что он достиг высот благодаря переводу: «Ну, что – Расул, он, конечно, способный человек. Но не более того. За него много сделали московские переводчики». На что Расул отвечал: «А я не буду отрицать. Действительно, если бы не переводчики, не было бы меня». Это не обида, это не более, чем факт, всем понятно, что его все равно бы перевели.

Вот его иносказательный мудрый наказ переводчикам: «Не лудите моей медной посуды, не золотите моего серебра!». «Хаджи-Мурат» стал на две главы длиннее». Оказывается, это переводчик прибавил отсебятину Льву Толстому. Расул Гамзатов здесь не дает никаких комментариев. Он лишь констатирует сей позорный факт, глупый и невежественный поступок фальшивомонетчика. Но это звучит как приговор. Упаси боже, от таких горе-переводчиков!

В конце книги Расул Гамзатов опять высказал драгоценную мысль, весьма актуальную ныне, в эпоху убогого постмодернизма: «Литература не должна переставать питаться пищей своих отцов, не забывая нравы и обычаи, язык и характер своего народа. Если она изменит корням, захиреет, зачахнет безвозвратно».

Сегодня мы все остро нуждаемся в объективном освещении культуры, традиций собственного народа.

«Глядя на японских художников, вспомнил своих лучших переводчиков. Подстрочники моих стихов выглядели, как черепки от разбитого кувшина. Потом их склеивали, и они получались, как новые, и аварские узоры, как ни в чем не бывало, украшали его». В Японию поэт привез балкарские (кыпчаки) кувшины для подарков, но они из-за длительного перелета разбились. Японские художники, муж и жена, склеивали кувшины по кусочкам так искусно, что поэт не поверил своим глазам! В книге этот случай описывается поэтом с глубоким психологизмом, знанием нравов и искренним почтением. Чувствуется его доброе сердце!

Незнание языка и непонимание людей между собой можно применить к литературе. Вспоминает анекдотичный случай на Кубе. Расулу Гамзатову едва ли не вырвали зуб, когда ему оказывали парикмахерские услуги, потому что бритва оказалась тупой... Увидев боль на его лице, брадобрей вызвал дантиста. «Вот что произошло из-за того, что мы с парикмахером не поняли друг друга». Мировая литература существует благодаря достойному переводу.

Вот очень ценный факт о пушкинских переводах. «В 1937 году в Махачкале проводился конкурс на лучший перевод стихотворения Пушкина «Деревня». Сорок поэтов перевели это стихотворение на аварский язык. Большинство из них знали русского. Но первую премию получил Гамзат Цадаса, не владевший в то время русским языком». Значит, отец перевел с подстрочника.

Наш Абай был первооткрывателем Пушкинской поэзии для казахского народа.

...Мы всегда нуждаемся в них, даже после их смерти. Великие поэты рождаются и даются народам свыше. Ради духовного обновления, ради всего прекрасного на земле.

Почитая их творчество, мы сами обогащаемся, сохраняем человечность навечно.